

А.В. Алексеев

Московский городской педагогический университет (Россия)

КУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СЛОВА *ТРУД* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассмотрено понятие культурной значимости слова на материале истории слова *труд*. Культурная значимость определяется соотношением слова с другими культурными знаками и формируется в процессе символического семиозиса слова. К языковым механизмам формирования культурной значимости относятся внутренняя форма слова, явление лексической (семантической) диффузности, двойная референция лексического знака в контексте. В результате исследования установлено, что культурная коннотация слова *труд* является различной для разных исторических периодов. Праславянская культурная коннотация слова *труд* определяется прежде всего внутренней формой слова. Эта культурная коннотация отождествляет феномены духовной и социальной жизни человека и физические ощущения; деятельность человека осознается через соотнесение с телесными восприятиями. Внутренняя форма слова *труд* образуется сопоставлением первоначального признака «жать, давить» с широким синкретичным значением «то, что мешает, всякая трудность вообще, в том числе в области физической, духовной, социальной жизни». Данное синкретичное значение дифференцируется в письменную эпоху в древнерусском языке. В результате формируется одиннадцать самостоятельных значений: «усилия», «деятельность, работа», «результаты труда», «старание, рвение», «забота», «беспокойство», «монашеский подвиг», «страдание», «горестное чувство», «боль», «болезнь». Культурная коннотация в наибольшей степени сопровождает значение «монашеский подвиг». Это связано с широким распространением в древнерусской культуре православно-аскетического учения. Монашеский подвиг — это духовное развитие человека, для которого необходимо преодоление страстей. Такое преодоление достигается тяжелым физическим трудом, физическим страданием, преодолением телесных неудобств и лишений. Подобная коннотация создается использованием в контексте семантических маркеров различных типов.

Ключевые слова: древнерусский язык; символическое значение; лексическая диффузность; культурная значимость слова.

A. Alekseev

The Cultural Significance of the Word “Trud” in History of Russian Language

The article deals with the cultural significance on the material of the history of the word *trud*. The cultural significance is determined by the ratio of the word with other cultural signs and formed in the process of symbolic semiosis words. Language mechanisms of formation of cultural significance are the internal form of a word, the lexical (semantic) diffusely, dual reference lexical character in context. The cultural connotation of the word *trud* is different for different historical periods. Proto-Slavic cultural connotation of the word *trud* is primarily determined by the internal form of a word. This connotation identifies the life and physical sensations; human activity is realized via correlation with physical perceptions. The internal form of the word *trud* is formed by comparing the initial sign «to press» with a wide syncretic value «what is stopping, any difficulty, phenomena of physical, spiritual and social life». This syncretic is differentiated in written era in the old Russian language. The result is eleven independent values: «effort», «activity, work», «performance», «diligence, zeal», «care», «anxiety», «monastic work», «suffering», «sad feeling», «pain», «disease». Cultural connotation accompanies the value «monastic work». This is due to the wide spread in the ancient culture of the Orthodox ascetical exercises. Monastic exploit is spiritual development of the person to whom it is necessary to overcome the passions. Such overcoming is achieved heavy physical labor, physical suffering, overcome bodily discomfort and hardship. This cultural connotation is created by use in the context of the semantic markers of various types.

Keywords: old Russian language; symbolic; lexical diffusion; the cultural significance of a word.

Культурная значимость слова определяется его участием в общекультурном семиозисе. Лексическая система языка должна при этом рассматриваться как одна из подсистем поликодовой семиотической системы данной культуры. Слово может выражать те или иные культурные смыслы в их конкретно-историческом проявлении, экспликация подобных смыслов требует определенных условий. Прежде всего означаемым слова оказывается не любой денотат (референт), а такой объект внеязыковой действительности, который выполняет наряду с утилитарной также и знаковую функцию. То есть слово должно

обозначать какой-либо предмет ритуализованной человеческой деятельности (артефакт). Под артефактами мы понимаем не только искусственно созданные материальные объекты, но также элементы поведения, события, ситуации.

Слово обладает культурной значимостью в том случае, если оно участвует в семиозисе в качестве символа, то есть такого знака, который обладает дополнительным содержанием, является знаком знака. В соответствии с распространенной научной традицией, к символам должны быть отнесены такие элементы коммуникации, которые «денотируют некоторое содержание, коннотирующее, в свою очередь, значения, принадлежащие иным смысловым уровням» [7: с. 131]. То, что слово, являющееся символом, обозначает не столько денотат, сколько иной смысл, подтверждается рассуждениями В.В. Колесова о месте символа в структуре концептуального квадрата. В.В. Колесов утверждает, что «символ культуры как источник мифа» обладает референтом, но при этом характеризуется отсутствием денотата [2: с. 53].

Символические свойства слова, позволяющие эксплицировать культурную значимость, присутствуют в нем на протяжении всей его истории, на всех этапах семантического развития. Слово предстает как символ в том случае, если его означаемое структурно неоднородно, то есть состоит из основного и дополнительного смыслов, которые сами, в свою очередь, могут быть представлены как означающее и означаемое. Такие свойства могут реализовываться в виде различных языковых феноменов (механизмов). Мы рассматриваем среди подобных механизмов внутреннюю форму слова, семантическую диффузность лексического значения и двойную референцию лексической единицы в контексте. Культурная значимость слова, выраженная этими средствами, меняется в исторической перспективе, накапливается с течением времени и должна анализироваться дифференцированно по отношению к различным этапам развития языка и культуры. Рассмотрим указанные семантические явления на материале существительного *труд* (*трудоу*).

Данное слово являлось непроемным в праславянском языке и восходит к праиндоевропейской форме, которая может быть восстановлена как **treud* (:troud). Этот корень, по данным сло-

варей, обладал значением «мять, жать, давить, щемить» [6: Т. 2, с. 266]. Подобная реконструкция семантики подтверждается индоевропейскими родственными словами, которые встречаются в др.-в.-нем. *(bi)driozan* «притеснять, затруднять», ср.-в.нем. *drōz* «тяжелая ноша, досада, трудность»; др.-исл. *traut* «трудная задача, затруднение, тяжелое испытание», во мн. ч. «боли».

Следовательно, мы можем восстановить следующий первоначальный (мотивирующий) семантический признак, положенный в основу номинации при возникновении праславянского существительного **trudъ*: «то, что давит, жмет». Этот признак был соотнесен с чрезвычайно широким, синкретичным лексическим значением: «то, что мешает, всякая трудность вообще, в том числе в области физической, духовной, социальной жизни». Этим соотнесением определяется символическая структура внутренней формы: **trudъ* => «то, что давит, жмет» (означаемое по отношению к фонетической форме и означающее по отношению к дальнейшему смыслу, то есть вторичному означаемому) => «всякая трудность» (вторичное означаемое, недифференцированное лексическое значение).

Надо полагать, что уже в общеславянский период началась дифференциация исходного синкретичного значения, происходившая по нескольким направлениям. С одной стороны, «всякая трудность вообще» была переосмыслена как «трудность или сложность осуществления хозяйственной деятельности». С другой стороны, в исходном значении был выделен аспект физического страдания. Оба направления семантического развития подтверждаются данными славянских языков, хотя первое — в большей степени, причем современные значения отражают произошедший метонимический перенос: «трудность осуществления деятельности» => «усилие в ее преодолении». Ср. в современных языках: болг. *труд* «работа»; с.-хорв. *trūd* «работа, усилие»; словен. *trud*, чеш. *trud* «тяжелая работа», «усилие», «напряжение», «затруднение», «прыщ, угорь» (<«боль»); польск. *trud* «работа», «беспокойство», «утомление, усталость» (последнее значение сформировалось на стыке двух направлений: «усталость» = «ощущение, вызванное значительными усилиями» + «слабая степень физического страдания»).

Следует предположить, что в праславянский период культурная значимость слова **trudъ* определялась следующим образом (в соответствии с внутренней формой слова): различные феномены человеческой жизни соотносились с непосредственным физическим ощущением, т. е. давлением, тяжестью. К числу обозначаемых феноменов должны быть отнесены эмоциональные состояния человека (чувства, ощущения, переживания), его деятельность по преобразованию окружающего мира, конкретные поступки, связанные с преодолением тех или иных сложностей, трудностей, а также качества человека (старание, рвение), необходимые для совершения подобных поступков. Все эти феномены осмыслились посредством физического ощущения, чувственного восприятия, что соответствует особенностям праславянской культуры, основанной на мифе, определяемой мифологическим типом мышления. Данные особенности подробно описаны А.Ф. Лосевым, который отмечал, что в условиях первобытного, мифологического мышления основой мира признается «не что иное, как только чувственно-материальная вещь» [3: с. 262].

В древнерусский период первоначальный, этимологический признак перестал противопоставляться лексическому значению, был включен в его структуру и переосмыслен: *трудоъ* => «тяжесть физическая или духовная, трудность, сложность, то, что мешает, преодолевается, и само это преодоление». Символическая структура означаемого была утрачена, то есть внутренняя форма перестала быть актуальной, перестала осознаваться. Общеславянское лексическое значение было синкретичным, что находит свое отражение в богатой полисемии древнерусского слова: по лексикографическим данным, существительное *трудоъ* обладало в XI–XIV веках минимум одиннадцатью значениями: «усилия», «деятельность, работа», «результаты труда», «старание, рвение», «забота», «беспокойство», «монашеский подвиг», «страдание», «горестное чувство», «боль», «болезнь» — ср. [5: Т. III, с. 1008].

Попытаемся выявить семантическую производность каждого из значений по отношению к исходной синкрете. В описании мы сохраняем по отношению к большинству значений толкования И.И. Срезневского, кроме тех случаев, когда мы посчитали нужным их уточнить. Например, вместо отдельных значений «труд, работа» и «дея-

тельность» мы, учитывая выделяемые семантические признаки, указываем единое значение «работа, деятельность»; вместо толкования «трудность» мы употребляем более, на наш взгляд, точное толкование «усилия». В скобках предлагается более подробная дефиниция, раскрывающая прямую или опосредованную связь конкретного значения с общеславянской синкретичной семантикой. Реальность соответствующих значений подтверждаем примерами из наиболее ранних, по возможности, памятников письменности.

«Усилия» («качество человека, необходимое для преодоления трудностей, сложностей»): *И земельное бес труда добро не творить ся*. Изб. 1076 г. 75 об.

«Старание, рвение» («постоянство усилий»): *Чаи отъ Господа милости за трудъ твоего дѣла*. Киев.-Печ. пат. 212.

«Деятельность, работа» (непрерывное старание, направленное на достижение определенной цели): *Онъ бо (Богъ) и отъ не соуштлихъ и отъ соуштлихъ творить бес труда и без врѣмене, человекъ же и труда и врѣмене и вѣщи трѣбоуетъ*. Изб. 1073 г. 131. Срезн.

«Результаты труда» (в итоге метонимического переноса, трансформации предыдущего значения: «деятельность» => «результат деятельности»): *И самъ въсхотѣ рукама книги пиша и свои трудъ руководѣльнии вънося ученикомъ*. Выгол. сб., 82 об. — 83.

«Страдание» («физические неудобства, лишения, мучения, связанные с преодолением трудностей»): *Ты вѣси вьсь трудъ, дошедшь до ны*. Числ. XX. 14. Сбор. Волог. XV в. Срезн.

«Боль» (конкретизация значения «страдание»: физическое неудобство осознается как острое телесное ощущение, имеющее определенную локализацию): *Злая жена, акы трудъ въ лядвеяхъ*. Слово о Ирод., XIV в. Срезн.

«Болезнь» («продолжительная боль, осознанная как имеющая свою причину в нарушении физического здоровья»): *Человекъ нѣкъи, имьи водьны трудъ, бѣ прѣдъ нимъ*. Остр. ев. Срезн.

Семантический признак «мучение» был выявлен как в области физических ощущений, так и в области душевных переживаний, в результате в исходной синкрете был выделен семантический комплекс «душевное страдание», который может быть интерпрети-

рован следующим образом: «внутреннее, психологическое, а не соматическое переживание трудности». Данный семантический комплекс в словаре И.И. Срезневского представлен в виде более конкретных лексических значений: «беспокойство», «забота», «горестное чувство (скорбь, горе)». Рассмотрим семантическую интерпретацию данных значений и примеры их реализации.

«Беспокойство» (незначительное душевное страдание, чаще обусловленное событием, проявляющимся в условной модальности; отсутствие душевного покоя): *Нъ зане творить ми трудоу въдовица си, да мьшоу ея, да не до коньца приходящи застоить мене.* Остр. ев. Срезн.

«Забота» (беспокойство, сопровождающееся необходимостью предпринять ряд действий для поддержания желаемого порядка вещей): *И здѣ бо не остави Богъ трудоу митрополича без памяти быти.* Лавр. лет. 157 об. 6738 г.

«Горестное чувство» (более интенсивное переживание, душевное страдание, обусловленное реально произошедшими событиями): *Яко и ны плача и непрѣстаньнаго трудоу избави.* Ефр. корм., XI в. Срезн.

При реализации всех перечисленных значений слово *трудоу* редко выступало в качестве символа, исключение составляют лишь случаи диффузного употребления, которые будут рассмотрены ниже. Древнерусская культурная значимость слова *трудоу* в наибольшей степени связана с реализацией лексического значения «монашеский подвиг». Данное значение встречается прежде всего в церковной литературе: *И запрѣщая же никако же расслабѣти, нъ крѣпѣ быти на вься трудоу чьрьньчьскыя, и тако пакы по вься дѣни прѣбывааше, братию оуча и оутѣшая.* Усп. сб., 55в.

«Монашеский подвиг» — одно из ключевых понятий православно-аскетического учения, в соответствии с которым достижению человеком духовного совершенства препятствует так называемое страстное состояние души, чрезмерная увлеченность земными вещами, устремленность к материальной жизни. Поэтому духовное восхождение происходит посредством преодоления земных трудностей, то есть через телесное, физическое страдание — через *трудоу*.

Таким образом, монашеский подвиг — это тяжелая ежедневная работа, физические усилия, неудобства, страдания, необходимые для спасения души. Данное значение может быть названо символическим, поскольку оно определяется регулярно воспроизводимой в контексте двойной референцией. Структура значения «монашеский подвиг» может быть представлена следующим образом: *трудъ* => «тяжелая физическая деятельность (физическое страдание)» => «освобождение от греха (от греховных страстей)». При употреблении слова в данном значении одновременной актуальностью характеризуются оба аспекта ситуации — физический и духовный. На физическом уровне *трудник* выполняет определенную работу, требующую телесного напряжения, претерпевает физические неудобства и мучения. На духовном уровне он побеждает свои страсти, очищает душу для духовного восхождения, приближения к Господу. Указанная культурная значимость была настолько важна для древнерусского языкового сознания, что символическое значение стало мотивирующим при возникновении новой номинации, обозначения человека, совершающего монашеский подвиг, — *трудоуникъ*. К концу древнерусской эпохи на базе этого слова сформировалось особое, четко определяемое понятие: *Говоря о монашествующих: подвизающийся в тяжких трудах, дабы, чрез изнурение тела своего противустать стремлению страстей* [4: Т. 6, с. 296].

Двойная референция при реализации значения «монашеский подвиг» подтверждается присутствием в контексте не менее двух различных маркеров — актуализаторов лексического значения. В качестве таких маркеров могут выступать однородные члены, главные и зависимые слова, как связанные с самим словом *трудъ*, так и наблюдаемые в параллельных синтаксических конструкциях. Маркерами могут быть присутствующие в контексте синонимы слова *трудъ*, номинации действий и признаков, связанных с понятием монашеского подвига.

Рассмотрим конкретные примеры, относящиеся как к собственно древнерусскому языку, так и к русской письменной традиции XV–XVII веков.

И оттолѣ подаяше ся на трудоу телесныя, и бѣдыше по вся ноци въ славословлении божии. Усп. сб, 31 в. В приведенном при-

мере из Успенского сборника маркером семантического аспекта «физическое страдание» является прилагательное *телесныя*, в то время как маркер духовного аспекта символического значения — словосочетание *въ славословлении божии*.

По сихъ моученици крѣвьми своими омыша сквърноу, а настольници святыихъ апостоль, цесаря крѣщъшемъ многомъ подвигомъ и троудомъ поганьство раздроушиша. Усп. сб., 103 г. Здесь интересующий нас смысл выражается парным сочетанием синонимов — *подвигомъ и троудомъ*: это распространенное семантическое средство древнерусского языка. Маркером физического аспекта ситуации должна считаться словоформа *крѣвьми*, а на духовные результаты физического страдания указывает словосочетание *поганьство раздроушиша*.

Сии показа въсѣмъ <...> моучьньчьское натрыжнение и стратотърьпныхъ троуды и рищющихъ скоростъ. Усп. сб., 206 г. Здесь маркерами являются словоформы *моучьньчьское* (физический аспект) и *стратотърьпныхъ* (духовный аспект). Ср. толкование слова *стратотерпецъ*, указывающее на семантический признак «стремление к Богу»: *мученикъ, пострадавший за Христа* [4: Т. V, с. 846].

Аще убо ураню тя жезлом и умучю тебе... аще труды тебѣ поведу многы и великы и подвигы нанесу ти, яко да постражешии... Разг. души и плоти, 72, сп. к. XIV – нач. XV в. В данном контексте глаголы *ураню* и *умучю* соотносят ситуацию с физическим страданием, а синоним исследуемого слова, *подвигъ*, указывает на духовные цели такого страдания.

Ноци же наставши, мнѣ ему обычное правило изглаголавишу. Всю же ону ноць безъ сна препроводи въ велицѣ трудѣ, мало сѣдааше, а множае стояше. Рассказ о смерти Пафн., 498, XV в. В данном контексте маркер духовного аспекта — *правило*, термин из области молитвословия. Указание на физические неудобства обеспечивается обстоятельством *безъ сна*. Аналогичным образом двойная референция подтверждается и в следующем примере: *Стефанъ из глубины душевныя моление принося и ото многого труда мало въздрѣмаша.* Рус. хронограф, 380, XVI в. Маркеры здесь — слово *моление*, указы-

вающее на духовный аспект действий трудника, и словосочетание *мало въздрѣмся*, указывающее на физические лишения.

Значение «монашеский подвиг» сохраняло свою актуальность до тех пор, пока параметры русской культуры в достаточной степени определялись христианским православно-аскетическим учением. Значение «монашеский подвиг» сделалось редким уже к концу XVII века: оно удерживалось только в традиционных контекстах; в живом же языке, вероятно, практически исчезло. Ср. употребление слова в контексте, связанном с описанием молитвенных трудов как наиболее типичной формы реализации монашеского подвига: *И царь беспрестанно на молитвѣ, и жена ево, царица Ирина, в трудѣх и в посту чуть жива ходит*. Сказ. о царе Вас., 442. В XVIII веке данное значение перестало быть актуальным для формирующегося нового литературного языка: на него, в частности, нет указаний в Словаре Академии Российской. Таким образом, осмысление тяжелой работы, физических лишений как средств для спасения души составляло культурную значимость слова *трудъ* именно в древнерусскую эпоху.

Остальные указанные выше значения слова *трудъ* могли выражать культурную значимость лишь в достаточно редких случаях проявления семантической (лексической) диффузности. Вероятно, в древнерусском языке лексическая диффузность отражает следы более архаичной семантики слова, является рефлексом общеславянского синкретизма. Ср. употребление, в котором диффузно совмещены все смысловые аспекты, связанные с душевным страданием, с одной стороны, и указание на жизненные, земные трудности, с другой: *Дондеже оузърить Бога съ веселиемъ, то тѣгда въ тѣ часъ забодеть доуша въсякъ тroudъ свои*. Изборник 1076 г., 245. Здесь мы можем наблюдать архаичную культурную значимость, связанную с отождествлением эмоций и негативных событий: несчастье являлось знаком душевного страдания. Реализуемая символическая структура выглядит следующим образом: *тroudъ* => «жизненные трудности, лишения» => «душевное страдание». На распространенность подобных нерасчлененных значений в архаичных текстах указывает,

в частности, Н.Ю. Гвоздецкая: «Печаль воспринималась как “интериоризованная беда”, то есть объективное событие, перенесенное в эмоциональную сферу, “вовнутрь” человека» [1: с. 141].

Другим примером лексической диффузности является достаточно темный контекст в «Слове о полку Игореве»: *Чьрпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено*. Сл. о плк. Иг., 96. В древнерусском языке слово *трудоу* входило в один синонимический ряд с существительными *печаль*, *скорбу* и т. п. У этих слов могло совпадать не только одно значение, а два или даже больше. В частности, *трудоу*, *печаль*, *скорбу* одинаково были способны обозначать «горестное чувство», «физическое страдание», «заболевание, недуг», «заботу». Такая широкая общность значений возникала в результате семантического притяжения слов, близких по смыслу и употребляемых в похожих контекстах. Можно предположить, что в древнерусском поэтическом тексте происходило семантическое притяжение слов *трудоу* и *горесть*, у которых изначально пересекались значения «жизненные трудности, лишения, страдания» (архаичное синкретичное значение для слова *трудоу*) и «горестное чувство». В результате слово *трудоу* могло приобретать значение «горечь», характерное для слова *горесть*. Следовательно, культурная значимость, реализуемая словом *трудоу* в данном контексте, может быть интерпретирована следующим образом: *трудоу* => «горький вкус в вине» => «душевное страдание князя, ощущение беды». Подобное отождествление относится к тому же типу архаичной культурной значимости мифологического происхождения, что и культурная значимость ряда контекстов, рассмотренных выше.

В период после XVII века семантическая структура слова *трудоу* во многом изменилась: произошла утрата большинства значений, центральными сделались значения, связанные с обозначением деятельности, работы. Эти изменения соотносимы с преобразованием культурной значимости слова, которое началось еще в старорусский период. *Трудоу* как постоянные усилия, направленные на духовное развитие, превратился в конечном счете в *трудоу* как непрерывную деятельность, направленную на достижение определенной материальной цели. Особенно активно культур-

ная значимость слова *труд*, связанная со значением «производство материальных продуктов», пополнялась в XX веке, однако этот процесс, несомненно, требует отдельного рассмотрения.

Литература

1. *Гвоздецкая Н.Ю.* К проблеме выделения «имен чувств» в языке древнегерманского эпоса (на материале «Беовульфа» и «Старшей Эдды») // Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 138–142.
2. *Колесов В.В.* Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 444 с.
3. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 479 с.
4. Словарь академии Российской: в 6 т. СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1789–1794.
5. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древне-русского языка: в 3 т. СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1903–1912.
6. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1993.
7. *Чертов Л.Ф.* Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1993. 378 с.

References

1. *Gvozdeczkaya N.Yu.* K probleme vy'deleniya «imen chuvstv» v yazy'ke drevnegermanskogo e'posa (na materiale «Beovul'fa» i «Starshej E'ddy'») // Logicheskij analiz yazy'ka: Kul'turny'e koncepty'. M.: Nauka, 1991. S. 138–142.
2. *Kolesov V.V.* Filosofiya russkogo slova. SPb.: Yuna, 2002. 444 s.
3. *Losev A.F.* Znak. Simvol. Mif: Trudy' po yazy'koznaniyu. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1982. 479 s.
4. Slovar' akademii Rossijskoj: v 6 t. SPb.: Izdanie Imperatorskoj Akademii nauk", 1789–1794.
5. *Sreznevskij I.I.* Materialy' dlya slovarya drevne-russkago yazy'ka: v 3 t. SPb.: Izdanie Imperatorskoj Akademii nauk", 1903–1912.
6. *Cherny'x P.Ya.* Istoriko-e'timologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazy'ka: v 2 t. M.: Russkij yazy'k, 1993.
7. *Chertov L.F.* Znakovost': opy't teoreticheskogo sinteza idej o znakovom sposobe informacionnoj svyazi. SPb.: Izd-vo SPb. un-ta, 1993. 378 s.